

Воображаемая Россия в современной русской антиутопии

Борис ЛАНИН

На рубеже XX–XXI вв. русская антиутопия переживает новый расцвет. В советское время это был полудиссидентский жанр, и антиутопические произведения либо печатались в эмигрантской печати, либо дожидались лучших времен в самиздате. При формировании книжного рынка резко изменилась литературная ситуация. Появились новые имена, новые литературные премии, стимулирующие интеллектуальную разведку будущего. 11 сентября 2001 г. повествовательные искусства вновь вернули себе пророческие функции. Нелепо, жестоко, чудовищно оправдались самые несбыточные прогнозы.

Востребованность антиутопий в сегодняшней литературе очевидна. В начале XXI века в России сложилась весьма острая и двусмысленная с точки зрения многих читателей ситуация со свободой слова. В книге «Путь в 21 век»,¹ вышедшей в свет в 1999 году, отмечалось:

Поскольку при самом благоприятном стечении обстоятельств Россия останется до 2010 года второстепенной экономической державой, ей придется в этот период ориентироваться на развитие союзнических отношений с двумя главными мировыми центрами – ЕС и Японией, а также с Китаем.

¹ Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Ред. Д.С. Львов. М., 1999.

США не являются «главным мировым центром». Сдержанно полемизируя с такой моделью мира, С.К. Бетяев пишет: «Возможный путь России – это окончательное замыкание Большого Кольца Северного Полушария: Европа – Россия – Япония – Северная Америка».²

Атмосфера дискуссий о будущем осталась в прошлом веке. Открытое обсуждение насущных политических проблем все чаще оказывается невозможным: дело не только в прямых запретах, но и в возрождении виртуального «внутреннего редактора». Публичные дискуссии, столь характерные для 90-х годов, заменяются частичным информированием населения об уже предпринятых властями шагах. На это накладывается традиция нарочитого игнорирования футурологических исследований:

«У нас в стране организаций, занимающихся стратегическими исследованиями на среднесрочный или долгосрочный период, вообще не существует. [...] Моделировать будущее в России не принято. Так что проблемы настоящего решаются не в расчете на будущее, а чтобы залатать имеющиеся дыры».³ В этой новой для постсоветской России ситуации антиутопическая литература взяла на себя функции интеллектуального разведчика будущего – когда с известной долей иронии, а когда и без. Антиутопия стала жанром не только массовой литературы, но и актуального искусства.⁴

2 Бетяев С.К. Прогностика. Первые шаги науки // Вопросы философии. 2003. № 4. С. 11.

3 Асадова Н. Гадание на «Карте» // Коммерсантъ-Власть. 2006. № 24. С. 52. Этой статьей завершался совместный проект журнала «Коммерсантъ-Власть» и радиостанции «Эхо Москвы» под названием «Мир в 2020 году». В его рамках читатели и слушатели были ознакомлены с четырьмя сценариями будущего, разработанными в 2005 году Национальным разведывательным советом США и опубликованными в виде доклада «Карта глобального будущего»: «Давосский мир» («Коммерсантъ-Власть». 2006. № 20), «Рах Америгана» («Коммерсантъ-Власть». 2006. № 21), «Новый халифат» («Коммерсантъ-Власть». 2006. № 22), «Спираль страха» («Коммерсантъ-Власть». 2006. № 23).

4 Савчук В. Режим актуальности. СПб., 2004. С. 21: «Задача актуального искус-

В русских утопиях и антиутопиях рубежа тысячелетий реализуются различные национальные модели развития:

1) буддийская – в серии утопий, изданных под псевдонимом «Хольм Ван Зайчик»

Хольм Ван Зайчик — удачный проект современного книжного рынка. Под псевдонимом, по циркулирующим между любителями фантастики слухам, кроются Вячеслав Рыбаков и Игорь Алимов. В рамках проекта выпущено семь книг, из которых к нашей теме непосредственное отношение имеет «Дело жадного варвара» (СПб.: Азбука, 2000).

В «Деле жадного варвара» сюжет снижен. Подробно описываются герои. Акцент делается на их несоответствии современным нормам морали и этикета. Введение китайского элемента, являющегося частью литературной игры-мистификации выглядит навязчивым.

Один из персонажей, следователь Богдан Оуянцев-Сю, мурлычет себе под нос «с детства любимый шлягер шестидесятых «Союз нерушимый улусов культурных...»⁵

Для утопических идей всегда существенны два взаимосвязанных фактора:

I. границы дозволенного

II. система наказаний

Система наказаний всегда является характеристической чертой для описания утопий. В Ордуси сохранены телесные наказания. С древности соблюдается выработанный принцип: наказания установлены, но не применяются.

ства – оперативно реагировать, давать имя непроявленным вещам и не ставшим еще массовым явлениям...».

5 Зайчик Х.В. Дело жадного варвара. СПб., 2000. С. 104.

Тюрьма и каторжные работы — вещи чересчур жестокие. Есть и удушение белым льняным (?) шнурком. Но штрафы отменены: ведь это самое несправедливое наказание — для одного сумма штрафа равна стоимости 2–3-х обедов, и уплата штрафа обрекает его на временный голод, для другого — ерунда, пустяковая сумма. Телесное же наказание — демократично и справедливо. По мнению жителей Ордуси, все одинаково ценят свою кожу — и бедные, и богатые. Более того, согласно Ордусской этике, высшая справедливость требует, чтобы за одинаковые проступки богатый получал все же чуточку более суровое наказание, чем бедный:

«Ведь тому, кто богат, легче получить воспитание, правда? Значит, невоспитанность у богатого — несколько больший грех».⁶

В Ордуси тоже есть «варвары» — поклонники глобализации. Они слушают громкую музыку, носят джинсы.

В самолетах нет деления по уровню комфорта (парафраз «бесклассового общества»):

«То, что называется комфортом, у нас в равной мере велико для всех».⁷

Социальная политика иногда излагается от имени «переводчика с китайского» в виде сносок внизу страницы. Этим решается проблема утопического повествователя: в его роли — переводчик-публикатор.

Детектив, как это часто случается в русской литературе, оказывается лишь внешней формой изложение очередного рецепта спасения мира, в данном случае — очередного утопического проекта.

Государство — результат добровольного объединения Орды и Руси в Ордо-Русь, Ордусь. Целью этого объединения было создание страны «для спокойной и праведной жизни людей, как правовое

6 Там же. С. 105–106.

7 Там же. С. 111.

государство, в котором будет править единственно диктатура закона».⁸

2) Мусульманская – в романах Андрея Волоса «Маскавская Мекка» и Елены Чудиновой «Мечеть парижской Богоматери»

«Маскавская Мекка» – пожалуй, самый неудачный роман автора. Ни одна из параллельных сюжетных линий не захватывает, нет ни одного запоминающегося персонажа. Москва стала новой Меккой, городом (с преобладанием мусульманского населения) под названием «Маскава» – на тюркский манер. Единственным спасением для немусульманского населения становится «эмиграция» в коммунистическую деревню, вымышленную автором по запомнившимся ему, видимо, рецептам утопических социалистов. Андрею Волосу, обычно кропотливо выписывающему детали, здесь недостает точности, достоверности и чувства юмора.

Действие романа Е. Чудиновой происходит в Париже в 2048 году, когда Евросоюз давно называется Евроисламом. Большинство европейцев приняло ислам и живет по законам шариата. Собор Парижской Богоматери после небольшой архитектурной перестройки стал мечетью. Оставшиеся национальные меньшинства в Париже живут в гетто. Впрочем, действует подпольное движение сопротивления захватчикам. Нелегально проводит службы христианская община.

Подпольщики узнают о готовящейся операции по уничтожению гетто и объединяются, чтобы захватить Собор Парижской Богоматери. Их цель — на один день вновь сделать Собор христианским храмом, освятить его, отслужить в нем мессу и взорвать. Роман заканчивается уничтожением храма.

Чудинова написала антиутопию, которая в провинции стала поистине массовой книгой. Не беда, что ее читатели никогда Пари-

⁸ Там же. С. 88.

жа не видели и не увидят. Они нашли главное для себя и для автора — единение вокруг комплекса ксенофобских и националистических суеверий, стереотипов и предчувствий. Этот текст на короткое время оказался в центре читательских споров. Его обсуждали на всех крупных федеральных телеканалах и радиостанциях. Общий тираж приблизился к миллиону экземпляров. Профессиональные критики на появление романа практически не отреагировали.⁹

3) псевдолиберальная диктатура – памфлет Сергея Доренко «2008»

В ноябре 2005 г. комитет Государственной Думы по государственному строительству и конституционному законодательству был вынужден после протокольного поручения депутата Алексея Митрофанова проверить «вредоносность» антиутопии Сергея Доренко «2008». В романе излагался фантазмагорический сценарий перехода власти от Путина к одному из людей его окружения Дмитрию Козаку. Предполагалось позже объявить Козака больным и вновь пригласить Путина на высшую руководящую должность. Но Путин и сам изменился: он теперь увлекается буддизмом, тайно посещает своих учителей в горах. В это время чеченцы захватывают атомную электростанцию в Обнинске. В Москве воцаряется хаос, в результате которого к власти приходят последователи Эдуарда Лимонова, который освобождает из тюрьмы Михаила Ходорковского и назначает его премьер-министром. По словам депутата А. Митрофанова, власть можно захватывать с этой книжкой в руках «хоть сейчас». За чтение пришлось взяться многим депутатам, которых раньше было невозможно уличить в пристрастии к беллетристике. Все же книгу признали безвредной и «не представляющей художественной ценности».

⁹ Небольшое собрание ссылок на самостоятельных критиков можно найти по адресу [<http://www.lepta-kniga.ru/ncd-5-11-53/cafe.html>.] (дата доступа: 25 сентября 2007).

4) Православно-имперская модель — «Москва 2042» Владимира Войновича, «Укус ангела» Павла Крусанова

Ставшую на какое-то время популярной вымышленную империю Павел Крусанов, руководитель литературной группы «Бастион» и ключевая фигура издательства «Амфора» назвал «Гесперия». ¹⁰ Эта разоренная, распавшаяся страна описана в романе «Укус ангела».

Продолжением литературных игр с образом утопической империи стал сборник, составленный Павлом Крусановым, под названием «Незримая империя». ¹¹ Свое ироническое упоение Империей П. Крусанов приравнивает к постижению благодати:

«Петербургский фундаментализм — это такая форма благодати. А благодать невыразима. Сущность его (ее? благодати?) постигается путем индивидуальной медитации, путем интеллектуального и эстетического созерцания идеальной Незримой империи. [...] Империя исполнена воли к экспансии и нарушению равновесия в мире, она строит пирамиды и возводит Колизеи, потому что способна на сверхусилие, на объективно ненужное сверхусилие, на то, чтобы что-то сделать навечно»¹²

Почему вообще возникла тема Империи? Только ли потому, что сейчас живем в условиях демократии? В этом заключается какое-то особое писательское предчувствие, которое прежде было только у утопистов.

П. Крусанов только намекнул — веско, ужасающе — что Империя — это чудовище. Горе тому, кто увидит ее разверзшуюся пасть. К счастью для литературы и к несчастью для общества, у российских властей нет привычки читать художественную литера-

¹⁰ Крусанов П. Укус ангела. СПб., 2000.

¹¹ Секацкий А., Подольский Н., Рекиан В. Незримая империя. Повести. СПб., 2005. С. 439.

¹² Крусанов П. Легионеры незримой Империи // Там же. С. 9.

туру. Она остается островком творческой свободы

«Американская дырка» — безусловно, профессионально написанный роман. В нем воскрешен культовый персонаж конца 1980 — начала 1990 гг. Сергей Курехин, профессиональный музыкант и человек разнообразных талантов, умерший в возрасте 43 лет от редкого заболевания — саркомы сердца. В воображаемой реальности 2010 г. Курехин не умер в 1996 г., а уехал в Псков, сменив имя и ныне разрабатывает проект вовлечения Америки в колоссальную авантюру, которая должна привести (и, конечно, приводит) ее к полному финансовому, моральному и «геополитическому» краху.

Крусанов одержим образом платоновского котлована, только у него котлован приобретает «углубленно эротические» очертания. Его герои ведают истинную причину падения советской власти: в 1991 г. на Кольском полуострове пробурили сверхглубокую скважину — и это якобы и привело в конечном итоге к полному дисбалансу сил в государстве. В общем, нельзя проникать в глубь земли столь далеко. Распространив фиктивную информацию о залегании на глубине 13 километров сверхбогатого пласта драгоценных металлов и спровоцировав американцев на решительное бурение земли, фирма Капитана (так называет своего кумира и начальника Евграф) добивается в конечном итоге падения доллара, обнищания Америки и, как результат, уникального обогащения России... Колоссальный успех маленькой фирмы, начинавшей с борьбы за включение в программу Олимпийских игр соревнований по скоростному свежеванию баранов.

В результате Россия становится землей обетованной, победительницей империалистов и благословенным местом для православных людей с фундаменталистской закваской.

Этот роман насквозь ироничен и опровергает всех населяющих его идеологов — от новой реинкарнации Курехина до его ближайшего помощника и тайного оппонента Евграфа Мальчика. Не замечают этой иронии Валерий Иванченко¹³ из «Книжной витрины», ни

13 «Национал-патриоты должны рукоплескать, ибо вслед за Пелевиным Крусанов повернул от поганого постмодернизма к строительству новой русской литературы»

Лев Данилкин, написавший о романе:

«Крусановская «обратка» обнаглевшей Америки — роман чертовски любопытный, в первую очередь бесстыдством: восхитительно лобовое выполнение идеологического заказа 2005 года, недвусмысленный образ врага — мировой либеральной мрази, вопиющая питерская местечковость диалогов (все из подмигиваний («подозреваю, что вы — сторонник гуманных идей»), буквальный перенос дугинских манифестов в «курехинские» монологи; все это настолько за гранью, что даже и хорошо».¹⁴

Конечно, Крусанов не мог вызвать столь забавной реакции, какую вызвал Доренко: нет политической биографии, кроме ироничного письма к президенту В.В. Путину с призывом восстановить империю. Нынешняя администрация на иронию подчеркнута не реагирует. Иронический стиль ведь вне политики...

5) сатирическая антиутопия — «Кысь» Татьяны Толстой, «План спасения» Дмитрия Горчева, «День опричника» Владимира Сорокина

«День опричника» — первый сатирический роман В. Сорокина. Характерно двойственное название: день опричника — это и один день из жизни Комяги, выбившегося в верхи опричнины, это и «день» как профессиональный праздник — ведь столько событий происходит с Комягой: и удавил, и изнасиловал, и программу праздничного концерта утвердил, и в ритуале групповой содомии поучаствовал, и с государыней, бывшей неглиже, позавтракал, и взятку от балерины получил, и рыбками-наркотиками побаловался, и на границу съездил, на китайских бизнесменах подзаработал — чем не праздник! Общество в романе Сорокина — антиутопия: империя, в которой граждане «добровольно» сожгли загранпаспорта,

ры» [<http://www.ozon.ru/context/detail/id/2485801/>] (дата доступа: 25 сентября 2007).

14 Данилкин Л. Роман про мертвого Курехина. Афиша. 25 сентября. 2005. [http://krusanov.by.ru/kritika/danilkin_dyrka.html] (дата доступа: 20 февраля 2008).

лишь на время привязывает к себе подданных.

«Вот был кострище! На меня, подростка, тогда это сильное впечатление произвело. В январе, в крутой мороз несли люди по призыву Государя свои заграничные паспорта на главную площадь страны да и швыряли в огонь. Несли и несли. Из других городов приезжали, чтобы в Москве-столице сжечь наследие Белой Смуты. Чтобы присягнуть Государю. Горел тот костер почти два месяца...».¹⁵

Опричнина держится трудами Комяги, его сподвижников и Бати, по сути, пахана неконтролируемой шайки. Носятся они вдоль и поперек страны на своих «меринах»-мерседесах, с привязанными к автомобилям метлами и собачьими головами, навевая на сограждан ужас, которым так гордится главный герой. Он счастлив в стране, где закон превратился в метлу на его автомобиле. Однако антиутопические персонажи-сопротивленцы населяют едва ли не каждую страницу романа. Они встречаются Комяге ежечасно в течение обычного дня! За стилизованным языком, за остроумными и точно прорисованными деталями у Сорокина появляется образ компьютеризованной, псевдосовременной и обреченной на изменения империи.

Антиутопичность связана с функцией предупреждения. Утопии становятся все более технократическими. Новое устройство неведомого утопического государства интересует писателей и читателей гораздо меньше инфраструктурных новшеств в этих государствах. Мера утопичности оказывается равной мере фантастичности. Фантастичность, в свою очередь, оказывается относительной — она разряжается в результате технологических открытий: вершиной бытовой утопии стал так называемый «умный дом», зажигающий электрическую плиту по команде с мобильного телефона и ночью сопровождающий проснувшегося хозяина в туалет последовательно

15 Сорокин В. День опричника. М., 2006. С. 137.

включающейся дорожкой лампочек.

«Хорошие футурологические прогнозы, подобно детективным расследованиям, базируются на трех основных факторах: средствах, мотивах и возможностях, — пишет Брюс Стерлинг, — Но в наши дни будущее перестало быть синонимом слова *прогресс*».¹⁶

Удивительно, до чего же быстро изменившая потребительская стратегия редуцировала утопическую мысль до банальных дерзаний в области бытовых усовершенствований! Тот же Б. Стерлинг, яркий представитель киберпанка, редко выходит из биотехнологичного дома в своих утопических фантазиях:

«У вас нет «душевой кабины». Но у вас есть стандартная система повседневного ухода за телом, которая каждое утро, умывая вас, тщательно проверяет все индексы и показатели вашего самочувствия и внешнего вида. Зубная щетка анализирует состояние ротовой полости, осуществляя учет живущих там микроорганизмов. Ваш туалет — самая сложная периферия в доме. Она предоставляет вам самую полную информацию о метаболических процессах в вашем организме — обо всех веществах, которые попадают туда и оттуда выводятся, а также обо всем, что с ними в вашем теле происходит. Только дураков тошнит от этого».¹⁷

Никакой рефлексии, никакой философии, да и дом не слишком умный (лампочки по дороге в туалет?)

Но и уровень высокой политики, на котором реализовалась утопия «соединенных штатов Европы», оказывается лишь торжеством технологий, правда, иных, дипломатических, но все же технологий, которые пока что выше закона — ибо конституция Европы так и не стала ее основным законом. Какой дискурс рождается в результате этих обсуждений? Какой комплекс эстетических идей вызывает ответную реакцию реципиента? Гедонизм, мелкие бытовые удобства, отсутствие какой бы то ни было рефлексии относи-

16 Стерлинг Б. Будущее уже началось. Что ждет каждого из нас в XXI веке? Пер. с англ. И. Цибизовой. Екатеринбург, 2005. С. 10.

17 Там же. С. 27.

тельно целей. Вопрос «как?» превалирует над вопросом «для чего?» Такова современная «утопическая ситуация».

Антиутопии рубежа веков — об относительно близком будущем: о 2008 году. В конкретную историческую эпоху антиутопии из литературного жанра превратились в моделирование реальной действительности. В этой заряженности на политическую актуальность сказывается, во-первых, урок постмодернизма, во-вторых, проникновение жанра антиутопии из интеллектуального мейнстрима в массовую литературу и все более уверенное ее освоение; в-третьих, приближение литературного жанра антиутопии к пограничным видам письма (социологическому, философскому, футурологическому), а также и литературному — утопическому. Политические проекты становятся все более важной пружиной антиутопии. Это напоминает классические советские романы-эпопеи, в которых «исторический сюжет», интерпретированный в соответствии с доминирующим историческим дискурсом, был важной составляющей сюжета.

Интуитивное постижение скрытого хода социальных процессов писателями и журналистами, порой вне зависимости от эстетической ценности их произведений, дает возможность подготовить общество к возможному повороту событий. В утопии насилие — прогноз, в антиутопии — реальность и составляющая образа жизни.

Несмотря на крах реализованных утопий, интерес к ним не падает, только за последнее десятилетие за рубежом вышли фундаментальные работы, посвященные антиутопическому жанру в литературе.¹⁸ После 1994 г. множество работ появилось и в России.¹⁹

18 Одна из последних значительных публикаций: André Beteillé, *Anti-Utopia: Essential Writings of André Bêteille* (New York: Oxford University Press, 2005), p. 494.

19 Юрьева Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М., 2005. С. 317; Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в. Эволюция, поэтика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. С. 381; Лазаренко О.В. Русская литературная антиутопия 1900-х-первой половины 1930-х годов. Проблемы жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997. С. 20; Быстрова О.В. Русская литературная антиутопия 20-х годов XX века. Проблема жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 18; Артемьева Т.В. От

Обычно в литературной утопии беллетристическая сторона представлена вымышленными фигурами рассказчика, посещающего утопическое общество, и его проводника. Это — служебные персонажи, главная же авторская задача — подробно описать утопическое общество. Многовековая история жанра прибавила к этой схеме лишь различные детали, продиктованные воображением художников. Особенности современной ситуации для писателей-антиутопистов заключаются в политической заостренности, отсутствии философичности и эсхатологической устремленности к очередному концу света.

Вообще, вопрос «где утопия?» всегда был актуальным для русского читателя, начиная с 18 века.

В одноименной антиутопии Егора Радова Якутия — это Израиль, обетованная земля для русских. Нужно только продать ее американцам и зажечь нормальной, человеческой жизнью, как и подобает подлинным европейцам. Вот отделимся от Совдепии, и тогда... Все смешалось в шизофренической географии героев романа Е. Радова:

«У нас в Якутии будет новое многонациональное процветающее государство. Вы посмотрите на наши пальмы, приятели! Разве это пальмы? Это — депские пальмы! А у нас должны быть жара и

славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи просвещения. СПб., 2005. С. 494; *Лиокумович Е.А.* Диссидентская утопия в советском культурном пространстве: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 132; *Артельева Т.В.* Утопия в России. От идеального государства к совершенному обществу. Историко-философские аспекты. СПб., 2004; *Павлова О.А.* Метаморфозы литературной утопии. Теоретический аспект. Волгоград, 2004. С. 471; *Пушкин Г.* Россия – 2012: История будущего. М., 2004. С. 298; *Ковтун Н.В.* Утопия в новейшей русской прозе. Томск, 2003. С. 127; *Баталов Э.Я.* Политическая утопия в XX веке. Вопросы теории и истории: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1996. С. 56; *Сысоев Г.Д.* Соотношение утопии и антиутопии в утопической традиции: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 1996. С. 177.

баобабы!! Чем мы хуже? И все это из-за Ленина! Почему у нас такие морозы зимой?! Из-за коммунистов, из-за Советской Дедии. Ничего, мы устроим перекоп Земли и тогда посмотрим — кто кого». ²⁰

Как ни странно, эта наиболее идеологизированная ветвь русской утопии нашла свое геополитическое отражение в политической деятельности Государственной Думы РФ, принявшей в 1999 г. Югославию во время ее бомбардировок авиацией НАТО в свой союз (и семь лет спустя остающийся лишь проектом) с Беларусью. Утопический союз России, Беларуси и Югославии — виртуальная идея, подобная интернет-утопии, ибо европейских границ никак изменить не может, а Югославия ни с тем, ни с другим союзником не граничит.

Почему русская утопия не представляет себе Россию европейской? Во-первых, утопия всегда мыслит масштабно, обобщая и абстрагируясь от реальности. Конкретное в утопии — это быт и перечислительные списки, предтечи постмодернистских каталогов, общее — это прогнозы. России не хватает места в Европе — и приходится устремляться в Азию. Правда, Россия может добавиться к Европе, и сама Европа станет больше. Но Евразия всегда будет «еще больше». Отсюда происходит представление о России как о евразийской. Для утопии это не имеет особого политического значения, гораздо больше здесь культурного смысла. Для русской утопии Европа кажется слишком маленькой, Россия же — «великая держава». Возникает пространственный парадокс, художественного решения не имеющий.

Отрицая какую бы то ни было литературную иерархию, раскладывая пасьянс классическими сюжетами и национальными архетипами, постмодернизм — с некоторым опозданием — воцарился в

20 Радов Е. Якутия. Роман. М., 2002. С. 51.

современной российской литературе. Ныне на прежних картах спешно дописываются новые, пока не существующие географические и исторические реалии. Захватывающая постмодернистская игра превратила антиутопию в жанр беллетристики, легкое чтение, увлекающее читателя сюжетом, но она не в силах нейтрализовать пророческую силу жанра. Вся история антиутопий подтверждает их удивительный дар.

Антиутопия, всегда повествующая о наиболее опасных тенденциях настоящего, является специфическим жанром. Специфика заключается в том, что антиутопия очень редко становится популярным произведением, книгой для всех (Замятин, Оруэлл и Хаксли — лишь редкие исключения). *Антиутопия — книга для интеллектуалов, ценная для читателя прежде всего тем, что она выражает «коллективное бессознательное» (в понимании Юнга, позже — Лакана) интеллектуалов. Она концентрирует и выплескивает наружу страхи интеллектуалов — современных потомков библейских пророков и античных предсказателей. Потомков слабых, ибо живущих в настоящем, фатально зависимом от насилия. Само же насилие исчезает в исторической перспективе, как исчез воин, убивший Архимеда в момент решения очередной теоремы.*

В свое время шукшинского героя Князева задерживают за «несколько мыслей» о государственном устройстве. Наивная душа, он создал проект воображаемого государства, оказавшийся злой, наивной и жестокой пародией на окружающую его самую утопию. Не понял Князев, что его-то проект и доводит эту окружающую утопию до логического абсурдного завершения, а потому и никак не может понять: за что арестовали-то?

Популярные писатели являются выразителями «коллективного бессознательного». В отличие от писателей-пророков, которые рано или поздно становятся классиками и национальной гордостью, так называемые «популярные», «массовые» писатели предлагают легко усваиваемые истины, становятся кумирами на час и выражают случайные идеи в парадоксальной, а потому привлекательной форме.

Мыслители, писатели, журналисты продолжают продуцировать

БОРИС ЛАНИН

утопические проекты, которые сохраняют шансы (по крайней мере, теоретически) на реализацию.